

Александр Куприн:

продолжение темы

«А всё-таки «Гранатовый браслет» — была»

Рауза Хузахметова

ПОЖАЛУЙ, самое известное у нас ювелирное украшение из граната – гранатовый браслет. И обязан он этим, несомненно, писателю Александру Куприну, написавшему в 1910 году повесть «Гранатовый браслет» – трогательную и печальную историю о любви.

Александр Иванович Куприн родился в 1870 году в семье чиновника, потомственного дворянина Ивана Ивановича Куприна. Мать – Любовь Алексеевна – дворянка, урождённая Кулунчакова. Происходила она из рода татарских князей. Дело в том, что малая родина писателя, городок Наровчат (сегодня это село в Пензенской области) с 1313 года под именем Мохши входил в состав Золотой Орды и был центром Наровчатовского улуса и временной резиденцией Узбек-хана. Населён он был татарами и мордвой. С распадом Золотой Орды и после присоединения её территорий к Российскому государству здесь появились предки Куприна по линии матери – татарские князья Кулунчаковы.

Куприн рано остался без отца. Мать с сыном переехали в Москву. В столице и прошло детство и отрочество будущего писателя. Живя в постоянном материальном недостатке, Любовь Алексеевна всё же смогла устроить сына в кадетский корпус. Она была энергичной, волевой женщиной и обладала редким «инстинктивным вкусом». В формировании личности писателя мать сыграла огромную роль.

Куприн гордился своей татарской кровью. Унаследовал писатель и многие национальные качества. В автобиографическом романе «Юнкера» он описывал свою внешность: «...лицо... с резко выраженными татарскими чертами...» «Татарские черты» Куприн находил и в своём характере: «Он и сам в эту секунду не подозревал, что в его жилах закипает бешеная кровь татарских князей, неудержимых и неукротимых

Продолжение темы, начатой на стр. 6.

Александр Куприн в Гатчине (1912–1913)

его предков с материнской стороны...» И ещё: «Но было в душе его непоколебимое татарское упрямство».

Писатель неоднократно подчёркивал свою генетическую привязанность к лошадям, к поездкам в киргизские степи. А привычка называть себя татарским князем также говорит о неразрывной связи его предков со степным миром. В тех же «Юнкерах», например, Куприн так описывает воспоминания своей матери: «Дядюшка твой, а мой брат... был самый отчаянный татарин и самый страстный лошади́к во всей Пензенской и Тамбовской губерниях... Он уверял всех, что во мне зарыт талант дикой, неподражаемой и несравненной наездницы... Был у меня какой-то прирождённый, потомственный дар к лошадям. Я их всегда любила, и они меня любили и слушались...» Так что любовь ко всему татарскому писатель впитал в себя с молоком матери.

Современники Куприна тоже подмечали в нём солидную примесь татарской крови. По воспоминаниям Ивана Бунина, близкого друга писателя, во времена своей славы Куприн любил одеваться татаринoм: носил расписной халат и цветную тюбетейку, в которой бывал и в гостях, и в ресторанах, где «садился так широко и важно, как пристало бы настоящему хану». А для ещё большего подо-

бия «особенно узко щурил глаза». Сам Бунин находил в образе Куприна много татарского: «...он, как всегда в минуты гнева, по-звериному щурил глаза, и без того небольшие... Сколько в нём было тогда-то этого звериного... И сколько татарского».

Вспоминали о Куприне и как о легко ранимом и обидчивом человеке. На любого, кто ошибался в произношении его фамилии (с ударением на первом слоге), он бросался, схватив за фалды пиджака и выговаривая: «Я – Куприн, и всякого прошу это помнить! На ежа садиться без штанов не советую!»

Современница из близкого окружения Куприна в Париже Л. Арсеньева вспоминает: «Я помню, как чуть не произошло дуэли из-за «Гранатового браслета». Куприн, А. Ладинский¹, мой муж и я возвращались в такси из какого-то загородного ресторана около Парижа. Говорили о литературе. В разговоре Ладинский сказал, что считает «Поединок» лучшим рассказом Куприна.

– «Поединок»? – удивился Куприн, – а, по-моему, «Гранатовый браслет».

Ладинский настаивал на своём мнении. Куприн горячо доказывал, что в «Гранатовом браслете» есть высокие, «драгоценные чувства людей». Слово за слово, и Ладинский сказал, что он не понимает «Гранатовый браслет», так как фабула – «неправдоподобна».

– А что в жизни правдоподобно? – с гневом ответил Куприн. – Только еда да питьё, да всё, что примитивно. Всё, что не имеет поэзии, Духа.

На эту фразу Ладинский обиделся, говоря, что в непонимании или нелюбви к поэзии его упрекнуть нельзя. Спор разгорался и делался всё более резким. Перебить этот спор ни мне, ни мужу не удавалось. Не знаю, что думал толстый француз – шофёр такси об этих беспокойных иностранцах, но он всё прибавлял и прибавлял скорость.

В пылу спора Ладинский на замечал того главного, что со стороны и мне, и

¹ А. Ладинский – Антонин Петрович Ладинский – поэт, прозаик, автор исторических романов.

мужу было ясно видно: какое-то дорогое воспоминание, какое-то «драгоценное» чувство было связано у Куприна с «Гранатовым браслетом». Ладинский повторял:

– Я уже сказал, что не могу оспаривать вашего мнения, но я его не разделяю и остаюсь при своём мнении.

И вдруг только что сильно горячившийся Куприн очень тихо сказал, отчеканивая слова:

– «Гранатовый браслет» – была. Вы можете не понимать, не верить, но я терпеть этого не буду и не могу. Пусть вы чином постарше меня – это не имеет значения, я вызываю вас на дуэль. Род оружия мне безразличен.

К чести Ладинского, я должна сказать, что, понимая разницу лет и любовь Куприна, он попробовал успокоить Александра Ивановича.

– Александр Иванович, да что вы?.. Как можно... Ведь я... – но, посмотрев на лицо Куприна, остановился на полуслове и мрачно сказал: – От дуэли порядочные люди не отказываются. Я принимаю ваш вызов.

Наступило тяжёлое молчание. Вдруг мой муж открыл стекло, отделявшее нас от шофёра, и что-то тихо сказал ему. Я догадалась, что муж велел шофёру ехать как можно дальше, чтобы выиграть время. И действительно, такси потянуло на какие-то бесконечные незнакомые улицы. Долго мы старались примирить, успокоить, уговорить, но ничего не добились. Противники упорно молчали. Я с ужасом представляла эту недопустимую, немыслимую дуэль и, чуть не плача, сказала Куприну:

– Если вам себя не жаль, жизни не жаль, жены не жаль, то хоть бы вы обо мне подумали. Всю жизнь я буду мучиться, что не сумела остановить этой дуэли.

А муж добавил:

– В истории русской литературы, и совершенно справедливо, будут обвинять нас.

– А если я останусь жив, то из меня сделают второго Дантеса, – пробурчал Ладинский.

И опять наступило молчание.

Свет уличных фонарей упал в автомобиль, и я увидела, что Куприн обводит внимательным взглядом наши печальные, расстроенные лица.

– А ведь это верно, – сказал он своим обычным ласковым голосом, – только вы забываете, что в Дантесы и я могу попасть. Тем более что вы поэт, а я только прозаик, – обратился он прямо к Ладинскому и процитировал стихи (стихи своего собеседника. – Р. Х.) на смерть Пушкина:

Летит свинцовая пчела
Из пистолетного ствола...

Ладинский подхватил:

...Оборвано течение строк,
И вьётся голубой дымок...¹

Какое это было облегчение! Мы все сразу заговорили, радуясь, что беда миновала. Шофёру велели ехать к дому Куприна.

Прощаясь около дома, Куприн обратился ко мне и повторил:

– А всё-таки «Гранатовый браслет» – была. Спокойной ночи, и не сердитесь на крутой нрав старика.

Какое событие в жизни Куприна создало его «Гранатовый браслет», я так до сих пор и не знаю. Спросить у самого Куприна я не решалась, так как понимала, что нечто очень дорогое и личное – «драгоценное» – связано с этим рассказом.

Современники писателя считали, что сюжет повествования позаимствован из жизни добрых знакомых Куприна – Любимовых, ставших прототипами князя и княгини Шеиных. Есть также предположение, что в основе повести – история, которую писатель услышал ещё в детстве. Так или иначе, но повесть «Гранатовый браслет» о высокой безответной любви к женщине силой таланта Александра Куприна вошла в золотую коллекцию русской и мировой литературы.

¹ Цитата Л. Арсеньевой не совсем точна: у Ладинского «И тает голубой дымок».